

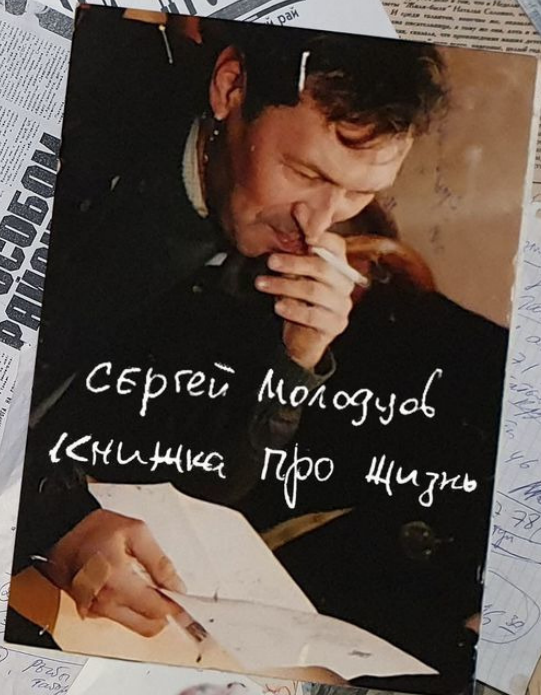
18+

№ 26 (211) 3-9 июля 1997 года
ПРОСПЕКТ

И-БЫЛИ

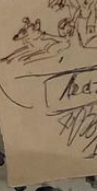
В ОСОБОМ РАЙОНЕ

Сергей Молозов
Книжка про жизнь

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.Л. МОЛОЗОВ**

Handwritten notes and lists on a piece of paper, including names like "Мельник" and "Трушков", and numbers like "21 57 46" and "355".

Сергей Лельевич Молодцов

Книжка про жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47415300

ISBN 9785005055101

Аннотация

Этот сборник литературных миниатюр, сказок, сценариев и стихов в разное время написанных талантливым уральским журналистом Сергеем Молодцовым, адресован, прежде всего, его близким, друзьям и знакомым, которые помнят его беспокойную интонацию, горящий взгляд, грустную улыбку. Это последняя возможность взглянуть на мир его глазами. А для кого-то, может, и первая.

Содержание

КНИЖКА ПРО ЖИЗНЬ	6
ИЗБРАННЫЕ ФИМКИ	7
Предфимие (от автора)	7
ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД	10
Ленинским курсом	10
Закрытый город	12
Телебашня	16
ШКОЛА ЖИЗНИ	20
А сапоги?!	21
На зарядку	22
Солдатская смекалка	23
Саттелиты	24
Мужская дружба	25
КАК Я СТАЛ ЖУРНАЛИСТОМ	27
ЖурФак	29
Царь, кости, рынок и свобода	30
Профессия – репортер	30
ЗАКОН И ПОРЯДОК	32
Белая шапка	33
Белая собачка	37
Белая горячка	41
Белый град	43
ОСТРОВ ИРЛАНДИЯ	47

Шеннон	49
У лорд-мэра	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Книжка про жизнь

Сергей Лельевич Молодцов

Редактор Георгий Молодцов

Редактор Юрий Шинкаренко

Редактор Анна Мясникова

Составитель Гюзелла Николайшвили

Составитель Юлия Коваль-Молодцова

© Сергей Лельевич Молодцов, 2019

ISBN 978-5-0050-5510-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Молодцов начал собирать и систематизировать написанные им материалы за полгода до своего 45-летия и чуть меньше чем за год до смерти. Среди них мы нашли предисловие к этой книге, так и озаглавленной – «Книжка про жизнь». Надеемся, что собранный нами коллаж произведений позволит запомнить его жизнь такой, какой он видел ее сам.

КНИЖКА ПРО ЖИЗНЬ

Посвящается Гуле, Юле, Гоше, Маше и Глебу, и еще особенно Кате. ну, то есть, тем, кого я люблю и кому я (надеюсь) дорог!

И – СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПАПЫ ЛЕЛИКА

...В новом, 2007-м году (когда эта книжка, надеюсь, увидит свет) мне стукнет 45 лет. К этому странно-му событию я решил по настоянию друзей и близких собрать воедино отдельные свои дурацкие рассказы, истории и даже стихи.

Увы, часть моего творчества утрачена почти безвозвратно. Ибо за 35 лет (а творить я начал лет так в 10) я сменил слишком много мест обитания, квартир, городов и (иногда) стран.

Надеюсь, что у кого-нибудь отыщутся подлинники моих ранних произведений. Кое-что можно будет найти в интернете. А пока же, мои любимые читатели, я (фактически по крупицам) собрал вот этот сборничек. В нём вы найдёте не только тексты, но и иллюстрации, ранее нигде не публиковавшиеся.

*Но дело не в этом! Просто читайте и хихикайте!
Всегда ваш – С. Молодцов*

ИЗБРАННЫЕ ФИМКИ

Предфимие (от автора)

Прежде чем Вы, дорогой читатель, углубитесь в занимательное чтение этих незамысловатых записок, считаю своим долгом кое-что объяснить. Во-первых, что такое «фимки»? Я долго искал название тому жанру, в котором на протяжении многих лет выражал свое мироощущение. Кто-то называл это «байками», кто-то предпочитал термин «рассказики». А бывают еще рубайи и хайку, которыми тоже очень интересно и забавно выражать даже банальные мысли. Ну, например:

*Вышел из дома с собакой к подножию Фудзи —
Где ж Фудзи-яма?!
Это Уктусские горы – пить надо меньше*

Или вот такой рубайчик:
*Не все ль равно, где был во время пуща,
От этого стране не стало лучше.
Налей вина, приобними гитару,
Пока не стал занудливым и старым...*

Но дело не в этом. Почему все-таки «фимки», а не, скажем, «сережки» или «молодцайки»? О, это тоже история. Накануне так называемого миллениума я совершенно случайно приобрел новое имя – Серафим. Дело было поздним осенним вечером, мы с подружкой писали ее любимому брату письмо на редакционном компьютере, чтобы отправить по электронной почте (тогда это казалось если и не прорывом в будущее, то уж точно – очень современным и удобным способом общения). Послание писалось изысканно-возвышенным штилем, а потому и завизировать его хотелось как-нибудь манерно. Девочка вспомнила, как в раннем отрочестве любила изображать перед старшим братом женщину ахматовского типа и называлась Жозефиной. К подписи «Жозефина» явно не подходил тривиальный «Серегга». И она предложила назваться Серафимом. Уж не знаю, какие фрейдистские механизмы сработали в ее подкорке. Возможно, имя навеяло перепечатанное накануне постановление городской Думы, располагавшейся прямо под нашей редакцией. Там вице-спикером трудился депутат Серафим Серафимович, что само по себе смешно и хорошо забивается в мозг. Я же склонен видеть в этом знамение, потому что заученные со школьной скамьи лермонтовские поэмы на долгие годы оставили в голове только фразу про Серафима, явившегося на перепутье... Как раз на таком вот перепутье находились в тот период и наши отношения, и вообще все жизненные принципы. Предчувствие нового века, должно быть. Так что

шестикрылое имя явилось не случайно...

Но дело не в этом, разумеется. Позже, для простоты обращения «Серафим» трансформировался в «Фиму», «Фимку» и даже «Фимочку». Это и понятно: Серафим – серый Фима. Тем паче, что имя «Серый» сопутствовало мне класса так с третьего и до самой армии. В армии оно преобразовалось в «Сержант» с ударением на первом слоге. Хотя сержантом я стал не сразу. Имя же «Серый» в сочетании с весьма жизнеутверждающей фамилией «Молодцов» давало очень необычный эффект, вызывая некую парадоксальность, антагонистичность даже. Ну, как, например, «Глупый Мудрецов» или «Вялый Бодрцов»... К слову сказать, спонтанная эта противоречивость впоследствии и определила мою жизнь.

Итак, «фимки». Это даже не жанр, а скорее просто разновидность автобиографических историек, которые почему-то так любят прослушивать в различных интерпретациях и пересказывать знакомые и незнакомые люди на вечеринках, в барах и во время частных полуночных бдений. Фимки и фимки – не все ли равно? Дело-то не в этом...

ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД

Ленинским курсом

К нам в подготовительную группу детского сада, почему-то во время тихого часа, пришла учительница начальных классов Нелли Аркадьевна. Меня разбудили, вывели в трусиках и маечке в фойе, посадили перед мольбертом и прикрепили к нему газету «Правда». Нелли Аркадьевна показала указкой на букву «П» и спросила, знаю ли я эту букву. Я прочитал все слово. А еще, на всякий случай, заголовков передовицы «Ленинским курсом». Учительница была в восторге и предложила мне написать и нарисовать что-нибудь на листке ватмана, прикрепленном к этому же мольберту. Я написал печатными буквами (непечатными тогда еще не умел) слова «Ленинским курсом» и нарисовал пальму, жирафа и двух обезьянок. То ли сказался тогдашний бум дружбы с африканскими странами, то ли я начитался Корнея Чуковского, но только в картинке этой для меня был сосредоточен весь смысл грядущей, полной счастья и радости, жизни. Жираф больше походил на обрубленную сверху березку со змеиной головой и маленькими рожками, так как это животное я видел исключительно в книжках, в уродливом изображении отечественных иллюстраторов. Зато обе-

зьянки идентифицировались легко – летом родители возили меня на юг, где я впервые побывал в Сухумском обезьяньем питомнике. В последний раз мне довелось посетить его накануне грузино-абхазской войны. Но это было позже. А тогда обезьянки мне особенно удались. Их было две – мальчик и девочка (с бантиком потому что), жираф-березка держал во рту некий плод (я предполагал, что это – ананас), отчего картинка моя носила почти библейский характер.

Нелли Аркадьевна, пораженная необычным видением ленинского курса, не стала меня экзаменовать дальше и записала в свой, считавшийся очень престижным, первый «А» класс.

– Только карандаш нужно держать в правой руке, – добродушно сказала она.

– Да что вы, – вздохнула воспитательница, – мы его три года переучивали ложку держать в правой руке – замучались!

– Ну ладно, – согласилась моя будущая первая учительница, – левой, так левой. Какая разница?

С тех пор меня никто не пытался переучить, и я с легкой (правой) руки Нелли Аркадьевны остался на всю последующую жизнь полноправным левшой. Тогда я еще не понимал, что таким образом с молодых ногтей уже оказался в оппозиции к праворукому большинству. Но мне это почти не мешало. Разве что чернила всегда размазывались, потому что

в русском правописании (а не левописании), увы, интересы меньшинств не учитываются. И еще по утвержденным гигиеническим правилам свет в классных комнатах должен падать слева. Для удобства пишущих. Мне же приходилось напрягать зрение, потому что «неправильная» рука закрывала правильно падающий свет. Вследствие чего к концу обучения левый глаз видел чуть хуже правого.

Закрытый город

Когда мне исполнилось девять лет, я получил свой первый в жизни пропуск – ученический билет, дававший право самостоятельного выхода из города. Дело в том, что город был из разряда «голубых», у которых названия нет и которые сняты людям только иногда. То есть – почтовый ящик секретно-оборонного значения. С раннего детства я знал, что моя малая родина называется «закрытый город» или «почтовый ящик». Жить в почтовом ящике как-то не хотелось, а вот «закрытый город» – это таинственно и необычно. Вроде затерянного рая или затонувшего корабля. Войти в него некоренной житель мог только ненадолго и по специальному (временному) пропуску. Мы же – так сказать, аборигены – имели пропуска постоянные, с фотокарточкой и несколькими специальными штампиками. В ученическом билете обязательно (кроме школьной круглой печати) ставился фиолетовый штамп, стилизованно изображающий семафор. Мол,

путь открыт. До девяти лет дети могли входить и выходить только с родителями. Ученический же билет делал тебя самостоятельным и независимым. Главное – раз в год обновлять семафорик в режимном отделе (учительница всегда напоминала перед летними каникулами: «Не забудьте сходить в режим, а то все лето в городе просидите!»). Понятно, что загадочный «режим» мы соблюдали исправно, ибо за пределами забора с колючей проволокой, который защищал «почтовый ящик» от чужаков, был замечательный пруд с лодочной станцией и вышкой для ныряния, лес, богатый грибами и ягодами и непередаваемое ощущение причастности к большому миру открытых городов.

Я, разумеется, не знал, почему мой город огорожен и неприступен. Мне хотелось верить, что это как-то связано с освоением космоса, луноходами и ракетами. Насчет последних я был, как оказалось, очень близок к истине. Правда, ракеты, к которым имел отношение мой город, предназначались не для космических путешествий. Ибо градообразующим предприятием являлся комбинат, где помимо всего прочего обогащали урановую руду. Но дело не в этом.

Режим секретности, впитанный с молоком матери, оказался не таким уж безупречным. Когда нас всем классом вывозили в областной центр на цирковое представление или балет, в незыблемой системе обнаруживались серьезные изъяны. Охранник на пропускном пункте заглядывал в автобус,

звично спрашивал: «У всех пропуска есть?» и, после наших утвердительных криков, открывал ворота... Точно так же мы возвращались в свою зону. Хотя в это же время другие охранники тщательно проверяли багажники въезжающих «москвичей» и «запорожцев», в которых мог укрыться разве что шпион-карлик. Окончательно мою веру в надежность режима разрушили многочисленные подружки соседа-студента, которых он каждые выходные привозил на экскурсию в наш заповедник из областной столицы. Кого-то проводил через дырки в заборе (их знали все, кроме служителей режима), других без особых проблем пропускали на КПП по чужим удостоверениям.

Позже, когда, переехав с родителями на «большую землю», я сам утратил право на посещение исторической родины, мне довелось испытать на себе сладкий вкус проникновения на запретную территорию. Вооружившись кусачками и брезентовыми рукавицами, я преодолел две линии колючей проволоки и контрольно-следовую полосу без сучка и задоринки. Правда, на обратном пути меня все же поймали. Привели в будку охраны и стали допрашивать. Я ушел в полную несознанку, назвал вымышленным именем и даже искренне удивился, что нарушил какой-то режим.

– С какой целью вы проникли в город? – спрашивала тетенька-стрелок.

– Какой город?! – в свою очередь изумлялся я, – Тут лес,

я грибы собирал, смотрю – дыра в ограждении, решил поискать грибы. Тут город что ли?! А на карте ничего нету!

Охранники поняли, что лучше не продолжать и отпустили меня с миром. Да и на американского шпиона я совсем не походил (хотя кто их, этих шпионов, видел хоть раз?). В общем, простым логическим рассуждением – «Нет города – нет и нарушения режима» я отвоевал себе легкую свободу. Ну и на родные места посмотрел, с однокашниками повидался. Чертовски приятное ощущение, скажу я вам – пробираться через колючую проволоку, под покровом густого леса в утреннем тумане туда, где ты родился и прожил 16 лет... Но, конечно, не только в этом дело. Пока жители открытых городов безмятежно жили за общесоюзным железным занавесом, я уже познал и всеислие закрытого режима, и его откровенно слабые места. Первый опыт проживания в особой зоне вселил уверенность, что в этом мире даже кажущаяся неизбежность – всего лишь блеф. Он действует до тех пор, пока кто-нибудь не крикнет: «А король-то голый!». А затем каждый решает для себя, как этим обстоятельством воспользоваться. Делать вид, что король одет, и жить спокойно, надеясь, что бедняга простынет и помрет естественной смертью, либо орать до изнеможения про нудистские наклонности, рискуя в лучшем случае охрипнуть.

Телебашня

Первая слава ко мне пришла рано. Все началось безобидно: папа привез из Москвы две куклы для моего домашнего кукольного театра. Эти – кошка и собака – отличались от остальных тем, что у них при помощи лески открывались рты, а внутри были специальные проволочки, позволяющие двигать хвостами. Такой небывалый спектр возможностей привел меня в замешательство: как одновременно открывать рот и двигать хвостом? Двумя руками можно было сделать только какую-то одну операцию. За помощью я отправился в городской кукольный театр к специалистам. Замечу, что было мне тогда только шесть лет, но я мыслил вполне рационально. Профессиональные кукловоды умилились и без сюсюканья, как равному, объяснили мне, как выкрутиться из непростой ситуации.

– Видишь ли, животные не всегда машут хвостом. Например, собака виляет хвостом, когда радуется. А кошка, наоборот, если задумала какую-нибудь пакость или приготовилась изловить мышь. Поэтому в одном случае ты будешь открывать ротик, а в другом вилять хвостиком.

Позже я заметил, что этот принцип используется не только для управления куклами...

Среди этих мудрых людей была необычайно экстравагантная дама по имени Олимпиада Ивановна. Она раньше работала в кукольном театре художником, а теперь учила рисованию и лепке в изостудии при станции юных техников. Олимпиаде Ивановне я понравился, и она пригласила меня в свой кружок. Более того, она сводила меня к себе домой, в фантастическую квартиру-мастерскую, увешанную портретами, натюрмортами, сценическими эскизами и карандашными рисунками голых мускулистых мужчин и женщин.

Олимпиада Ивановна подарила мне настоящую театральную куклу-марионетку на ниточках и попросила нарисовать что-нибудь карандашом. Я проделал свой, уже опробованный на Нелли Аркадьевне, трюк – изобразил левой рукой пальму, жирафа и двух обезьян. Вместо слов «ленинским курсом» я нарисовал солнышко (для убедительности) и черепаху. Тогда был период повального увлечения черепахами, их продавали из сеток на вокзале по десять копеек за штуку. Разумеется, и у нас дома ползала маленькая грустная черепашка. Так что этот новый персонаж получился самым реалистичным. Короче говоря, эффект был достигнут полностью, Олимпиада Ивановна сказала, что я просто обязан развивать свой талант и заниматься в ее изостудии.

Первым моим шедевром стала картина под названием

«Останкинская телебашня». Ее только что построили, поэтому новый символ народного благосостояния будоражил мой творческий ум. И хотя сама башня была серой, небо вокруг нее получилось просто бесподобным. Голубым с белыми кучевыми облаками, какими-то размытыми бликами и лучами. Дело в том, что накануне я опрокинул на чистый лист, предназначенный для чего-то важного, баночку с водой. Вода при этом была не прозрачная, в ней успели пополоскать кисточку. Вода была синей. Так и родилось бесподобное по своей насыщенности и цвету небо вокруг телебашни. Чтобы избежать неминуемого порицания за испорченный лист, я спешно набросал контуры этого чуда инженерной мысли, не забыв про ресторан «Седьмое небо». Получилось очень даже ничего. Серенькая такая, рельефная, с круглыми иллюминаторами башенка. Олимпиада Ивановна была потрясена моей акварельной техникой, долго вглядывалась в размывы, что-то подправляла тонкой беличьей кисточкой, внося мастерские штрихи. Стоит ли удивляться тому, что на городском конкурсе детского рисунка моя телебашня взяла гран-при? Правда, после этого грандиозного триумфа я остыл к изобразительному искусству и покинул студию навсегда. Официальным оправданием этого поступка служил переезд станции юных техников в новое помещение на другом конце города. Малышу (а я все-таки был еще малышом) самостоятельно добираться было проблематично, а родители в силу постоянной занятости на работе сопро-

вождать меня не имели возможности. Изобразительное искусство на долгие годы потеряло в моем лице своего преданного служителя. Но дело, думаю, не в этом.

ШКОЛА ЖИЗНИ

В моей памяти отпечатались три ключевых слогана советской эпохи: «Профсоюзы – школа коммунизма», «Альпинизм – школа мужества» и «Армия – школа жизни». Все три этих школы я успешно закончил. Но в преддверии самого мужского праздника – 23 февраля – хотел бы поделиться соображениями именно по поводу школы жизни. Тем более, что по сравнению с коммунизмом и альпинизмом это все-таки круче.

А сапоги?!

Считается, что армия человека превращает в тупое и послушное существо. У которого одна извилина – и та от козырька. Совершенно напрасно, между прочим. Дисциплина, на которой (якобы) держатся наши Вооруженные Силы, на самом деле отнюдь не главное достояние, с которым возмужавшие призывники возвращаются на дембель. Настоящий мужчина начинается с обуви. Вернее – с ее внешнего вида. До службы в армии я как-то не задумывался об этом, полагая, что обувь должна служить ее хозяину, а не наоборот. После двухлетней ежедневной чистки сапог до зеркального блеска это заблуждение развеялось: блестящая, ухоженная и стильная (то бишь, соответствующая моменту) обувь превращает особь мужского пола в мужчину. Армия не диктовала стиля или моды – это в ней стабильно и навеки. Но она в лице прапорщика или сержанта вбила в подкорку главное: осмотр начинается с ног. Поверьте, именно с ног на меня начинали смотреть девушки и женщины, которые впоследствии занимали какую-то нишу в моей жизни. Если девушку не интересует моя обувь, я теряю к ней интерес! А когда потенциальная возлюбленная при первом знакомстве говорит: «О! Какие у тебя ботинки!» – я благодарю старшего прапорщика Железняка. Ибо знаю, что встретил настоящую девушку!

Возможно, старший прапорщик не подозревал о таких перспективах, но интуитивно понимал, что в жизни нам это обязательно пригодится. Хотя, скорее всего, он просто добивался выполнения устава и экономии гуталина, который сбывал на сторону...

На зарядку

Никогда не любил утреннюю гимнастику. Ненавидел радиопередачу, в которой бодрые голоса под не менее бод-

рую музыку призывали население поставить ноги на ширину плеч и наклоняться, наклоняться, наклоняться... Армия убедила меня в том, что это не так уж плохо. Это даже хорошо! Во-первых, потому что зарядка (кто бы мог подумать?) заряжает энергией на весь день, а во-вторых, потому что попробуй ее не делать! За два года такого ежедневного тренинга ты «подсаживаешься» на утреннюю гимнастику (пробежку, кросс) и потом несколько лет не можешь соскочить с этой иглы. Просыпаешься ни свет ни заря, ноги сами пытаются встать на ширину плеч, а руки вытягиваются перед собой. Добавьте продуманный рацион питания (который возможен только в армейской кухне, ибо старший прапорщик все калорийное давно пропил или продал), и вы поймете, как прелестна суперсистема «Солдатская» для похудения и идеальных форм. Мужских форм, замечу...

Солдатская смекалка

Не так давно посреди ночи во мне проснулся художник. Мне срочно нужно было изобразить то, чем я грезил – некий старинный Замок на берегу моря. Ни красок, ни кисточек у меня не было. Почти спонтанно я взял помазок для бритья, тюбик крема для обуви (который теперь всегда есть наготове, см. выше) и нарисовал этими подручными средствами желаемое. Позже профессиональные художники утверждали, что техника просто потрясающая. И долго допытыва-

лись у меня, чем это я создал такую нетленку. А я вдруг понял, что это она – моя Армия – вновь аукнулась в творческом экстазе. Старший прапорщик Железнюк как-то раз разбудил меня на рассвете и сказал: «До приезда начальства из округа надо покрасить „сапожок“ у бани в серый цвет. Выполняй!». Я спросил, нет ли краски, кисточек и прочих необходимых материалов. Железнюк вскучил брови и изумленно ответил: «А солдатская смекалка на что? Возьми помазок для бритья, разведи гуталин в тазике для ног и – вперед!».

Солдатская смекалка вообще свойственна русскому мужику. Я благодарен этой школе, так как смекалка эта выручала меня в таких ситуациях, в каких нормальный человек либо опустил бы руки, либо застрелился.

Саттелиты

Вспомнился замполит в армии. Было это аж 20 лет назад. Читает он нам по какой-то брошюрке лекцию о проклятых империалистах и США: «Главная угроза миру – США и ее саттелиты!» Голос из зала «ширко умного солдата»: «А саттелиты – это кто такие?» Замполит (в некотором замешательстве): «Саттелиты – это значит враги СССР! И вообще, чтобы не задавать глупых вопросов – вот эту книжку почитайте. В ней написано много хорошего про СССР, и еще больше – про Америку и саттелитов этих!» Очередь на кни-

гу, где про Америку написано больше хорошего, чем про СССР, была большая...

Мужская дружба

Лет десять спустя после дембеля я встретил в аэропорту одной европейской страны своего однополчанина. Он направлялся вместе с молодой женой в свадебный круиз. Узнав в толпе меня, армейский дружок, шокируя публику, заорал на весь аэропорт: «Товарищ старший сержант!!!!» (я закончил службу в этом звании). После коротких объятий и обмена любезностями сослуживец представил меня своей су-

пруге: «Вот, Света, познакомься! Мы с ним полгода спали вместе!"... Света захлопала глазками и смущенно уточнила: «В каком смысле?». «Нет, Светка, ты не то подумала! Он был сверху, а я – снизу! Ну, в армии!»». Я постарался успокоить новобрачную, рассказав ей о двухъярусных кроватях и солдатской дружбе навеки. При том, что «друг» помнил только мое звание и фамилию...

Но без всяких шуток могу сказать: служба в рядах Вооруженных Сил подарила мне веру в эту самую мужскую дружбу. Я знаю, что в пургу и ураган, ранним утром или поздней ночью я могу набрать номер телефона одного из тех, с кем служил, и он бросит все – жену, любовницу, выгодную сделку и горящий дом. Только ради того, чтобы помочь мне в трудную минуту. И таких людей только в Екатеринбурге – больше двух десятков. А по всей стране! А за ее пределами? За два-то года армейской службы!

Школа жизни, как ни крути. Ибо жизнь – это, по большому счету, служба в рядах армии. От призыва до дембеля.

КАК Я СТАЛ ЖУРНАЛИСТОМ

...В середине семидесятых годов мои родители отправили меня на всё лето (было мне 11 лет) к дяде на Дальний Восток. Это было самое длинное путешествие в жизни, ведь жили мы на Урале.

Дядя тогда работал в молодежной газетке корреспондентом, вёл соответствующий образ жизни: в перерывах между командировками на БАМ пил с друзьями портвейн, читал

самиздатовскую литературу и сыпал анекдотами о Брежнев...е...

В общем, дядя был настоящим ЖУРНАЛИСТОМ. И тут на его голову скинули пионера-артековца, активиста-племянника! Ему пришлось на некоторое время изменить привычный ритм, взять на себя ответственность за правильного мальчика. А самого мальчика – брать с собой на работу в редакцию и в непрерывные командировки.

– Понимаешь, племян, – говорил мне дядя, – это самая идиотская профессия, которая только может быть! Это вообще не профессия! Журналистом нужно родиться, а еще – нужно понять вовремя, что романтика дальних странствий, встреч с интересными людьми, новостей на первую полосу из вертолета – это по телевизору. Реальная журналистика – на семьдесят процентов – самая чёрная работа, какую только можно придумать. При этом ты прекрасно знаешь, что опубликуют совсем не то, что ты написал бы. И ты пишешь то, что опубликуют, а не то, что хотел бы написать...

Правильный племянник внимал этим речам, чихал от «Беломора» на кухне, и всё больше укреплялся в мысли о том, что хочет быть (когда вырастет) именно журналистом... Потому что на этой кухне звучали песни Окуджавы, стихи Галича и непонятные слова «ГУЛАГ», «Стругацкие» и «Роберт Шекли». Потому что приходили удивительно добрые люди, от которых веяло не только портвейном, но и непередаваемым духом НАСТОЯЩЕГО.

ЖурФак

Закончив школу, я подал документы на факультет журналистики Уральского университета. И, к всеобщему удивлению (конкурс тогда был просто безумный!) – поступил. Правда, на дневном отделении проучился недолго – один курс. Ведь в ушах всё ещё были кухонные разговоры дальневосточных диссидентов, а в вузе учили истмату и диамату.

Я перевелся на заочное отделение, успешно ушел в Советскую Армию (где к мизерному солдатскому пособию добавлял гонорары за заметки, которые писал для местных многотиражек). Выпускал бравые боевые листки, тайный самиздатовский альманах (в Армии тогда тоже служили диссиденты) и мечтал о грядущих переменах.

Тут Горбачев провозгласил ГЛАСНОСТЬ!!! И я понял, что моё время пришло.

Я демобилизовался и поступил на работу в прогрессивную молодежную газету «На смену!» города Свердловска. В ночь с 19-го на 21-е августа 1991-го года я дежурил по номеру. Мы звонили Ельцину и Бурбулису, объявляли сухую голодовку (пили коньяк в кабинете редактора и дежурили в типографии, чтобы ГКЧП уральского масштаба не «рассыпало» наш тираж). Потому что только наша газета опубли-

ковала тогда обращение Президента России к народу.

Царь, кости, рынок и свобода

Эйфория быстро закончилась. Свобода слова и распад СССР почему-то не принесли радости. В Екатеринбурге (в который спешно переименовали Свердловск) откопали останки расстрелянной семьи Николая 2-го, цены на всё выросли в десять раз, зарплату в редакции стали выдавать чеками «Россия»...

Я сменил много газет и журналов. Был спецкором, редактором, каким-то там координатором отдела новостей. Меня приняли в Союз Журналистов, мне вручали премии за циклы статей, я вел спецкурс на журфаке и читал лекции. Ездил на стажировки в Европу, где выучил разговорный английский, мои статьи опубликовали СМИ Ирландии, Дании и США.

Свобода и рухнувший железный занавес (гонорары в валюте) компенсировали бардак, царивший тогда дома. Я вновь и вновь вспоминал слова дяди о черной работе и о том, что журналистика – не профессия. Потому что к этому времени они обрели новый смысл.

Профессия – репортер

В том, о чём я написал, есть лукавство. Журналистика –

это, действительно, не профессия. Это некий дар. Сегодня можно пройти несколько тренингов, закончить пару-тройку курсов и получить «диплом установленного образца».

Но на самом деле – журналист – это почти диагноз. Оказаться раньше всех в эпицентре событий, «встать на уши», но передать информацию в редакцию, написать так, чтобы читатель вырезал из газеты твою заметку, и она пошла по рукам – это кайф!

Можно получить крутой диплом, можно «отстажироваться» в самых престижных западных изданиях, можно, в конце концов, отпиариться на каких-нибудь выборах за большие деньги.

Это, друзья мои, не журналистика. Если вы хотите выбрать «делом всей жизни» самую странную профессию – репортера, забудьте о романтике и славе. О тренингах и семинарах. Просто напишите маленькую заметку о том, что волнует вас, ваших близких, соседей, бабушек на лавочке. И перечитайте её. Цепляет? Хочется дочитать от заголовка до конца? Не важно, что под ней не будет вашей фамилии? Тогда вперед! Тогда – это ваша профессия. Вы – избранные!

ЗАКОН И ПОРЯДОК

Как любой нормальный человек, я стараюсь свести к минимуму свои контакты с правоохранительными органами. Но получается это не всегда. Правда, после каждого такого соприкосновения с представителями закона, у меня остаются не только негативные воспоминания. Все-таки, как ни крути, а это – приключение. И потому всегда есть о чем рассказать в компании. Тем более, что истории почему-то получались действительно презабавными.

Белая шапка

Работал я в те давние застойные времена в секретном НИИ в качестве аппаратчика опытных установок второго разряда. Второй разряд был у меня, а не у этих установок, разумеется. И, хотя на первый взгляд кажется, будто второй разряд – это нечто очень высококвалифицированное, на самом деле – ниже разрядов практически не бывает. А самое крутое – это восьмой разряд, как ни странно.

Оказался я в НИИ почти случайно: там давали бронь от армии, так что выполнение интернационального долга в Афганистане на какое-то время отодвинулось. «Альтернативная служба» аппаратчиком заключалась в том, что я делал всю черную работу при исследовательском отделе. Меня приставили к молодому инженеру и велели во всем его слушаться. Секретный эксперимент, в котором я принимал активное участие, был не очень сложным. Страна нуждалась в пополнении запасов сухого и сгущенного молока, но отечественные установки имели не очень высокую производительность этих ценных стратегических продуктов. Государство решило потратить валюту на приобретение импортной установки старейшей французской фирмы, тщательно ее изучить и сделать собственную, но лучше. Наверное, в этом и состояла государственная тайна, благодаря которой меня не брали в армию...

В общем, в цехе поставили этакий блестящий космический корабль, приобрели огромный холодильник, завезли в него фляги с молоком и приготовили разные умные приборы. Моей задачей было просверлить в нужных местах установки дырочки, воткнуть в них термодпары (такие теплочувствительные проволоки, соединенные с контрольно-измерительным прибором) и потом записывать показания аппаратуры в специальный журнал.

Мы заливали в недра установки молоко, включали ее и таким образом пытались понять, почему их агрегат работает лучше наших. Процесс шел круглосуточно, правда, результаты получались совсем не те, которых ждали. Французская установка все время барахлила, выдавала на выходе какую-то дрянь, мало похожую на сгущенное и сухое молоко. Причин было две: во-первых, с молоком в стране была напряжёнка, поэтому все, кому не лень, отливали из наших фляг молоко для своих семей, разбавляя оставшееся водой из-под крана. Во-вторых, просверленная в нескольких местах заграничная машина уже не была полностью герметичной, отчего работать полноценно и качественно, естественно, не могла...

– Вот она, хваленая импортная техника, – с ухмылкой говорил инженер. Впоследствии, кстати, он стал генеральным директором НИИ.

Но причем тут милиция? Да притом, что работали мы в три смены, из-за чего очень часто я возвращался домой

глубокой ночью. Вот в одно из таких возвращений я и столкнулся в первый раз с бдительными сотрудниками внутренних дел.

Шел я обычно коротким путем, через детский парк. В нем и напоролся в двенадцатом часу ночи на патруль. У меня спросили документы. А откуда ж у меня документы? Пропуск я сдавал на проходной, паспорт хранил дома. О чем и поведал милиционерам. Их это не убедило.

– Придется вас задержать.

– За что? – удивился я.

– Подозрительный вы какой-то. И очень похожи по приметам на разыскиваемого преступника.

– Чем это я похож на преступника? – еще больше удивился я.

– Шапка у вас белая и джинсы... И по парку ночью разгуливаешь.

Шапка у меня действительно была выдающаяся: я собственноручно сшил ее из трех заячьих шкурок, подаренных мне знакомым таксидермистом. Они не годились для изготовления чучел, потому что охотник, убивший бедных зверьков, не жалел патронов. Садист какой-то! А вот на шапку шкурки вполне годились. И я, провозившись дня три, сварганил себе пушистую ушанку. Но не думаю, что это была единственная во всем городе белая заячья шапка. Да и джинсы носил не только я. Но и эти аргументы не подействовали на патрулей, и меня отвели в отделение.

– Дайте я домой позвоню, – взмолился я, предчувствуя недоброе (ночь сидеть в камере не сильно интересно).

– Не положено, – коротко сказали борцы с преступностью.

– Так вам же тогда принесут мой паспорт, вы установите мою личность и отпустите!

У милиционеров, надо заметить, формальная логика почему-то не в чести. То есть любые логические доводы, которые им приводят, действуют на них с точностью до наоборот и вызывают едва скрываемое раздражение. В общем, они пошли готовить для меня камеру, а я остался с дежурным.

Дежурный увлеченно читал «Крокодил» и хихикал. Я отвлек его от этого занятия и рассказал смешной анекдот. Дежурному анекдот понравился до такой степени, что он его решил законспектировать. Я же, пользуясь благодушием, быстро снял трубку телефона у него на столе и позвонил домой. Телефон был занят. Я позвонил другу, сказав очень быстро: «Иди ко мне домой, бери мой паспорт и дуй в милицию!». А потом начал тянуть время. Сначала попросил бумагу и ручку, чтобы написать объяснение. Потом попросился в туалет, где издавал мучительные звуки, чтобы вызвать сочувствие у милиционеров и побыть там как можно дольше. Ну и, наконец, в отделение ворвался запыхавшийся друг с распростертым паспортом в руке.

– Вот! – сказал он.

– Что «вот»?! – удивились сотрудники райотдела.

– Его паспорт.

Через пятнадцать минут меня отпустили, слегка обиженно сказав при этом:

– Посидел бы до утра – и так бы разобрались. У нас теперь ни одного задержания...

Мне стало стыдно, что милиционеры зря провозились со мной, не достигнув на выходе результата. Теперь им придется снова бродить по ночным улицам в поисках правонарушителей. Но я быстро подавил в себе это малодушие и отправился длинным путем (не через парк) домой.

Белая собачка

На закате перестройки к нам в город приехал агитпоезд «Next stop Soviet» («Следующая остановка – Советы») с толпой скандинавских тунеядцев на борту. Они катались по всей стране, ломая таким образом «железный занавес», распивали водку и разрисовывали стены всяческими граффити. Редактор вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

– Ты у нас по-английски говорить умеешь, поэтому пойдешь брать интервью у этих шведских хиппарей. Спроси, какого хрена им тут надо.

Из хиппарей я сумел побеседовать только с группой свободных художников из Копенгагена. Они на самом деле были свободными, то есть, безработными, поэтому и согласились с радостью отправиться в составе агитпоезда потусоваться в СССР. Поездка эта, разумеется, датчанам очень нрави-

лась – везде их встречали, как родных, кормили, поили, заваливали всякими матрешками и поделками из самоцветов. Мы решили пойти попойнствовать ко мне домой, несмотря на возражения сопровождавшего их инструктора обкома комсомола. Я позвал друга-художника Аркашу и практиканта Илюшу (его папа гнал замечательные алкогольные напитки у себя в гараже).

У меня как раз шел затяжной ремонт квартиры, стены были в ободранных обоях, так что художникам я разрешил порисовать что-нибудь пацифистское на этих стенах. Они перемазались краской, изуродовали жилище до неузнаваемости какой-то хренотенью, названной ими «модерн арт» и упились вусмерть вместе с надзирателем. Пили-то мы, мягко говоря, самогон, так как талоны на водку у меня были давным-давно использованы, а валютных магазинов в городе практически не было, если не считать «Березку», работавшую до 19—00.

Короче говоря, я отписался для газеты про борьбу за мир и дружбу народов, забыл про своих гостей и спокойно жил обыденными заботами.

Но через несколько месяцев неожиданно получил приглашение посетить Данию в частном порядке. Вернее, в приглашении было сказано: «Для участия в фестивале молодежи „Сотрудничество за мир“», но в письме уточнялось, что это «липа» для упрощения процедуры получения визы..

Приглашение было на двоих – на меня и Аркашу. Мы на-

занимали денег у родных и близких, по знакомству выправили загранпаспорта, сгоняли в Москву в датское консульство, получили визы, купили билеты до Копенгагена и полетели.

В первый же день, когда гостеприимные художники после нескольких рюмок привезенной нами «Столичной» полностью вырубались, мы с Аркашей пошли прошвырнуться по вечернему Копенгагену. Настроение было приподнятым, на улицах сияли огни незнакомой нам буржуазной столицы, в карманах было по двести долларов у каждого. Вся эта благодать подвигла нас во все горло петь русские народные песни и чувствовать себя хозяевами жизни.

Недолго. Вскоре в одном из переулков возле нас притормозила полицейская машина. Полисмен что-то проговорил на датском языке и показал рукой на тротуар.

– Чего ему надо? – спросил Аркаша, который владел только русским языком.

– Хрен его знает, – ответил я, – похоже, он говорит, что нельзя ходить по проезжей части...

Мы сошли на тротуар, но полицейский не отставал. Он спросил по-английски что-то вроде: «Давно ли вы здесь гуляете?». Я, как мог, ответил, что, мол, не меньше часа. Тогда этот тип попросил нас сесть в машину и повез в полицейский участок.

Мы, конечно, струхнули: пьяные оба и вообще шляемся ночью в стране, законов которой не знаем. Да еще песни орем.

– В чем дело? – как можно более внятным голосом уточнил я в отделении.

– Взгляните на эти фотографии, – попросил полисмен, – не видели ли вы эту собачку, прогуливаясь по улице Рьесгаде?

Мы ошарашено посмотрели на изображенную в разных видах болонку и честно признались, что ничего подобного не встречали ни на Рьесгаде, ни где-либо еще. Полисмен извинился и проводил нас к выходу. Аркаша, которому все это казалось очень диким и нереальным, попросил меня выяснить у стража датского правопорядка, зачем он разыскивает жучку, и не прибить ли ее на всякий случай, если она попадетс нам на обратном пути.

– К нам поступило заявление от хозяйки этой собаки. Собака час назад потерялась во время прогулки, – объяснил полисмен.

– Серега, – впадая в транс, попросил Аркаша, – скажи ему, блин, что с их бы проблемами да к нам!

Потом еще пару часов мы искали дом нашего датского приятеля, полчаса будили его по домофону и час пересказывали ему удивительную историю, приключившуюся с нами. При этом не протрезвевший еще друг никак не мог понять, что же нас так потрясло в этой заурядной ситуации.

– А ты к нам не на агитпоезде приезжай, блин, – сказал Аркаша, – а просто так. И погуляй ночью по улицам! Тебе таких собачек покажут – перестанешь удивляться...

Белая горячка

В вырезвители мне довелось побывать (не поверите) всего однажды. И этот единственный случай тоже получился весьма забавным.

Молодежная газета, в которой некогда я несколько лет успешно трудился, решила отметить по-взрослому свое семидесятипяtilетие. Откупили столовую Дома печати, затарились выпивкой под самое не хочу, пригласили губернатора и мэра, всех живых ветеранов, кучу нужных людей.

День выдался жаркий, самый разгар лета. Понятно, что все очень быстро допились до предпоследней стадии опьянения, были веселы и буйны. Группа старожиллов «молодежки» решила проветриться на скамеечке возле Дома печати, покурить и поболтать о вечном. А мимо шли дружинники какие-то. На нас они, впрочем, никакого внимания не обратили, продолжив следовать по своему маршруту.

Какой дьявол дернул за язык одного из «стариков», до сих пор ни он, ни кто-либо другой объяснить не могут. Но только крикнул он в спину дружинникам следующее:

– Вот так вы охраняете порядок на наших улицах?! А тут пьяные в жопу мужики того и гляди все на хер разнесут!..

Дружинники обернулись, что-то сказали в рацию и стали караулить нас возле нашей скамейки. Мы же окончательно разомлели от выпитых напитков, солнце в зените притупило

нашу бдительность и вообще способность здраво мыслить. Поэтому мы не ушли обратно в столовую для продолжения банкета, а с пьяным интересом стали докапываться до этих стражников, мол, что это вы, козлы, такое удумали?..

Конец был печален. Кто-то принес из помещения водки, мы приняли на грудь и по очереди стали терять контроль над собой. Очнулись мы все ранним утром в медвытрезвителе в двух кварталах от Дома печати. При этом на мне были джинсы с оторванной штаниной, чужие ботинки и футболка «Комсомольская правда» с бравым слоганом на спине «Мы удивляем каждый день!».

На мой вопрос работнику вытрезвителя, отчего это у меня такая странноватая экипировка, милиционер от души расхохотался:

– Белочка к тебе прискакала вчера. Не помнишь ничего? А вот на спине у тебя очень верно написано. Удивил ты тут всех...

После по отрывочным воспоминаниям коллег я составил примерную картину происшедшего. По вызову дружинников прибыли сотрудники милиции. Мы стали качать права, отказываться от госпитализации, угрожать неминуемой моральной расправой во всех средствах массовой информации. Я, как уверяют, возглавил этот отряд Сопротивления, требуя адвоката, зачитывания наших прав и созыва пресс-конференции.

Нас стали загружать в «коробки» и партиями вывозить по-

дальше от глаз городского и областного начальства. Вот тогда-то и была порвана моя штанина, сорвана рубашка и потеряна обувь. Чьи туфли оказались на мне с утра – так и осталось тайной. А футболку «Комсомольской правды», оказывается, мне подарил перед самой моей отключкой тогдашний редактор местной вкладки в «КП».

Мы покинули трезвак с каким-то молодым сотрудником старейшей газеты, купили в киоске напротив по пиву, потом сели в скверик и выпили бутылку коньяка, оказавшуюся в моем рюкзаке.

– Какая все-таки у нас порядочная милиция, – сказал юноша. – Смотри – коньяк не забрала!

Его восторг улетучился через пару минут, когда он стал искать свой кошелек. Кошелек не было. По его утверждению, там была полученная накануне зарплата...

Белый град

В самый разгар гражданской войны в Югославии меня наградили бесплатной горячей путевкой к Адриатическому морю. Видимо, более здравомыслящий человек вовремя отказался от отдыха под прицелом автомата, а я, само собой, как-то не подумал, что во время военных действий загорать на пляже опасно.

Но на пляже я и не загорал. В Белграде нам сообщили, что вместо Дубровников, где сейчас слишком жарко и рвут-

ся снаряды, мы едем в нейтральную Черногорию охотиться на фазанов. На горном курорте мы пили минеральную воду, стреляли из дробовиков ижевского производства по несчастным птицам, продавали на рынках водку, покупая на вырученные деньги виски...

Фазаны были слишком откормленными и с трудом взлетали над травой (на земле в них палить нельзя – это уже не охота, а циничный расстрел), поэтому птиц травили собаками, криками и выстрелами в воздух. Едва пара фазанов поднималась выше десяти метров, туристы всей толпой начинали по ним пулять. Повар потом долго матерился, выковыривая из тушек килограммы дробы (нашу «дичь» подавали нам же на «охотничий ужин»).

На обратном пути мы снова приехали в Белград. Утром нас ждал самолет Аэрофлота, а вечером все разбрелись по столице Югославии, чтобы сбросить оставшиеся динары и купить сувениры для родственников.

Мы с двумя молодоженами, совершавшими свадебное путешествие (добрые родители подарили им эту путевку на свадьбу, рассчитывая, вероятно, проверить чувства молодых в условиях гражданской войны на Балканах), пошли осматривать достопримечательности.

– А сфоткай нас на фоне этого красивого моста, – попросили молодожены.

Я взял их фотоаппарат, отошел подальше и стал щелкать. Через каких-то пару минут мне завернули руки, вдарили

прикладом «Калашникова» меж лопаток и запихали в знакомый до боли «коробок» системы «УАЗ». В этом зарешеченном «луноходе» привезли меня в районную управу, обыскали, отобрали фотоаппарат и начали допрашивать на сербском языке. Я его, увы, понимал довольно плохо, хоть он и близок к славянским наречиям. Из всех вопросов я понял только один: «Зачем ты снимал стратегический объект – мост через реку Сава?». В общем, меня приняли за хорватского шпиона. В то время в Югославии вообще процветали шпиономания и стукачество.

Я попытался объяснить местным полицаям, что я есть советский турист, Горбачев, перестройка. Тогда меня перевезли в головную управу, в отдел по работе с иностранцами. Как приятно было ощущать себя иностранцем!

Там изъяли пленку, проявили, уничтожили, сняли мои отпечатки пальцев, вернули фотоаппарат и выдали справку «Филма излучена». Поздней ночью я покинул главную ментовку Белграда и отправился на поиски отеля с аналогичным названием. Какой-то подвыпивший пожилой серб, понимавший по-русски, объяснил мне, как пройти к гостинице и даже немного проводил со словами: «Русские – плохо. Немцы – марки. Много платят. Хорошо».

В гостинице меня все потеряли. Руководитель группы связывался с советским посольством, молодожены рыдали по поводу утраченного фотоаппарата. Когда я пришел, выяснилось, что по местному радио уже сообщили в новостях

про задержание хорватского шпиона... Думаю, этот конфуз добавил в тот вечер патриотизма сербскому народу.

ОСТРОВ ИРЛАНДИЯ

В кабинет к редактору молодежной газеты меня вызывали редко. И всегда – по какому-то особому случаю. Когда надо было поручить что-нибудь дурацкое или маловыполнимое. Скажем, освещение первомайской демонстрации, дежурство по номеру 31-го декабря, интервью с каким-нибудь иностранным гостем. Вот и на этот раз редактор вызвал меня к себе и сказал:

– Тут приезжают какие-то академики из Ирландии. Бери фотографа и дуй в аэропорт. Спроси, какого хрена им тут надо...

Он всегда примерно так ставил задачу. И еще был уверен (совершенно напрасно, между прочим), что я владею всеми языками мира. Хотя реально я лишь сносно изъяснялся по-английски, потому что учил его два года в армии. Но об этом в другой раз.

Мы с фотографом сели в редакционную «Волгу» и поехали в аэропорт. Там в зале интуристов намечалась пресс-конференция ирландских гостей. Их было двое: представитель Ирландской Академии наук и директор Бюро международных обменов Ирландии. Приехали они к нам для организации обмена учеными.

Мы все это отсняли-записали и вышли покурить с очаровательной директоршей этого «Exchange Bureau» Энн Кон-

ноли. Тут-то я и спросил для поддержания беседы:

– А вот почему бы вам не организовать обмен журналистами? Ученые – это хорошо. Но массовой аудитории было бы интересно узнать объективную информацию о наших странах из уст непредвзятых журналистов...

Энн нашла эту идею интересной. На том и расстались. Через месяц редактор снова вызвал меня в свой кабинет.

– Ты что там наплел ирландцам?! Тебя кто-то уполномочивал делать им предложения? Ты даже не член Союза журналистов, блин.

– А что случилось-то? – удивился я.

– А то и случилось: эта баба там у себя замутила проект, во всех газетах объявления дала и собрала группу добровольцев, которые рвутся в Союз писать репортажи. В общем, отступать некуда, ты заварил кашу, ты и расхлебывай. Иди в «Спутник».

«Спутник» – это бюро молодежного туризма такое. Там меня встретили недоброжелательно.

– Так это ты тут самодеятельностью занялся? Ты хоть понимаешь, что город у нас закрытый для иностранцев?! Нам разрешение на каждого по полгода приходится запрашивать. А тут – пятнадцать человек! Но дело даже не в этом. Сначала в Ирландию должна отправиться группа наших журналистов... За свой счет, между прочим. И все будут жить в семьях! То есть должны говорить по-английски. Ты найдешь столько журналистов?!

– Не знаю, – ответил я, – попробую. А сколько денег надо на поездку?

– До хера, – просто ответил директор бюро. – И еще нужно, чтобы у наших журналистов были приличные жилищные условия. Ирландцы тоже будут жить в семьях. Мы им предложили поселить всех в гостиницу, а они, суки, отказались. Ты себе представляешь ответственность? За ними же следить надо будет с утра до ночи!

Вот так и началась ирландская эпопея. Я обзвонил всех коллег, которые соответствовали этим требованиям хотя бы частично. Набралось четырнадцать человек. Со мной как раз получалось пятнадцать. Мы стали оформлять документы, и тут одного человека «зарубили». На него, оказывается, в КГБ было заведено дело за распространение произведений Галича в семидесятых годах (стоит заметить, что пластинки Галича уже всю легально продавались в магазинах) ... В результате наша группа получилась меньше. Замену найти не удалось.

Шеннон

Перед поездкой всех нас собрали в «Спутнике» и стали промывать мозги. Мол, пить надо меньше, жить скромнее, экономить воду и беречь тепло. Все, дескать, там очень дорогое, не нужно ежедневно звонить по межгороду родным и заказывать на дом еду.

Затем, уже в аэропорту, нам раздали анкеты партнеров по обмену. То есть, наши анкеты были отправлены по факсу в Ирландию, где каждый выбрал себе того, кого хотел бы у себя принимать. Меня выбрала двадцатипятилетняя девушка по имени Аннет О'Мара, отчего все мои коллеги пришли в ярость: у них в анкетах были какие-то старые тетки и мужики.

В самолете «Аэрофлота» народ поначалу обалдел с непривычки. То есть самолетами «Аэрофлота» все, конечно, летали, но на внутренних рейсах. За границей, как оказалось, до этого момента был только я. Узнав, что можно курить, все дружно затаились. А когда бортпроводница стала бесплатно наливать в фужеры вино – просто впали в нирвану. Правда, повторять стюардесса напрочь отказалась. Это несколько снизило пафос международного перелета. Тогда группа решила отправить гонца, придумав ему «легенду»: у него, мол, день рождения, надо бы отметить с товарищами. Он вернулся с бутылкой сухого и сказал:

– Дала всего один пузырь со словами: «Как только летит советская группа, так обязательно у кого-то случается день рождения»...

Ночью мы оказались в пустом аэропорту Шеннон. Никто нас не встречал с флажками и шариками, сотрудники аэровокзала были не в курсе нашего прибытия и дальнейшей нашей судьбы. Они предложили созвониться с теми, кто нас должен встречать. Во-первых, у нас не было денег, чтобы по-

звонить (их выдали на следующий день в Бюро обменов). Во-вторых, мы и не знали, куда звонить. Поэтому решили разбить лагерь в зале прибытия и ждать.

В центре зала стоял огромный прозрачный шар с прорезью наверху. Шар наполовину был заполнен купюрами различного достоинства и происхождения (их кидали на память улетавшие иностранцы). А денег, напомним, у нас не было. Мы окружили этот шар, пытаясь выудить проволочкой какую-нибудь бумажку. Удалось вытащить красивый такой «фантик» с какой-то арабской вязью. Но обменять это нечто на ирландские фунты, увы, не получилось – представительство банка, где можно было бы конвертировать выловленные тугрики, ночью не работало. Пришлось сидеть на чемоданах до утра, пока не приехал огромный автобус с названием Бюро обменов на борту. Из него выскочила Энн, и я бросился на нее, как малыш, потерявшийся в ГУМе.

У лорд-мэра

Аннет совсем не походила на ирландскую девушку – такая пухленькая румяная хохлушка. Работала она редактором журнала «Bakery World» (профсоюзный журналчик для владельцев кондитерских и булочных), жила в двухэтажной квартире, которую снимала с подругами – Лорайн и Имой. Има трудилась медсестрой, а Лорайн преподавала английский язык в школе для выходцев из стран третьего мира. Поэтому поначалу я мог общаться только с ней. Она понимала мой английский, а я понимал то, что она мне «переводила»

с Аннетовского на мой. В Дублине все говорят с дублинским акцентом. При этом очень-очень быстро. Этот акцент сильно отличается от обычного произношения, особенно моего, потому что свои разговорные навыки я приобрел в Дании...

– Сегодня отдыхаем, а завтра у нас большая программа, – сказала Аннет. – Сначала – ко мне в издательство, а вечером – на прием к лорд-мэру Дублина. У тебя есть смокинг?

У меня был рюкзак с запасными джинсами из Копенгагенского сэконд-хенда, парой футболок и сменой белья. И еще большая сумка с сувенирами для ирландцев. Плюс – пятьдесят ирландских фунтов, которые выдали в Бюро. О чем я и проинформировал Аннет.

– Возьмем у моего брата Вильяма, – не растерялась Аннет. – Он твоего роста, хи-хи.

«Хи-хи» вовсе не касалось скудости моего гардероба. Оно относилось к моему росту. Дело в том, что при заполнении анкеты я указал свой рост в метрах и сантиметрах. А в Ирландии все измеряется в футах и дюймах. И Аннет ожидала встретить карлика ростом 1 фут 72 дюйма (64 см)...

В издательстве меня приняли очень душевно: хлопали по плечу, предлагали сигареты и кофе, неизменно спрашивали «Как ты находишь Ирландию?». А полная редакторша журнала «Irish Printer» («Ирландский печатник») с обидой в голосе сказала: «Да, Аннет очень повезло. Получить настоящего русского!». Это звучало примерно как «завести дома игуану»... Издательство «Jema Publication» объединяло

под своей крышей семь разных профсоюзных журнальчиков вроде аннетовского. Босс сразу же спросил, могу ли я написать статью о проблемах с продуктами в СССР. Ирландских производителей еды это тогда очень волновало, потому что открывался новый неизведанный рынок для их продукции. Статью я по привычке пообещал накатать за выходные (босс не поверил), пообщался с сотрудниками всех журналов, попил пива «Гиннес» в местном пабе и отправился с Аннеткой за костюмом.

Костюм брата мне не подошел – по полноте. Брат, вероятно, мало отличался от своей сестрички. Мы плюнули на это дело и поехали в Меншн-хаус на прием. Там собрались все наши со своими обменными ирландцами. Общение коллег после недолгой разлуки напоминало беседу детдомовцев, которых раздали по разным семьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.